

УДК 947.05/088 (571.6)
ББК 63.3 (285.5)5 — 283.31

Казачество Дальнего Востока России в XVII-XXI вв.: сб. науч. ст. Вып. 3. / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова. — Хабаровск, 2011.

ISBN 978-5-7442-1536-1

Очередной выпуск тематического сборника, как и предыдущие, посвящен казачеству Дальнего Востока России. Уже четверть века идет процесс его возрождения. Эти годыместили в себя успехи и трудности, споры и поиски согласия, что, естественно, вызывает повышенный интерес общества к данной теме и актуализирует ее изучение. Настоящий сборник предлагает читателям различные материалы о жизни и деятельности казачества региона на различных этапах его истории. Публикуемые в нем статьи принадлежат авторам, проживающим в различных точках нашей страны: в Москве и Хабаровске, Омске и Благовещенске, Новочеркасске и Владивостоке. Статьи располагаются в хронологической последовательности с учётом общности рассматриваемой проблематики.

Сборник предназначен для исследователей, для функционеров казачьего движения, а также для всех, интересующихся историей дальневосточного казачества.

Редакционная коллегия: к.и.н. Савченко С.Н. (отв. редактор), к.и.н. Сергеев О.И. (отв. редактор), к.и.н. Белоглазова С.Б. (отв. секретарь), д.и.н. Гадлямова Л.И., к.и.н. Лазарева С.И., к.и.н. Рубан Н.И., к.и.н. Устинова О.А.

Рецензенты: д.и.н. Ермакова Э.В., д.и.н. Мухачев Б.И.

Печатается по решению Ученого совета Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова и Ученого совета Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

© Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2011
© Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2011

ISBN 978-5-7442-1536-1

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF FAR EAST PEOPLES' HISTORY,
ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
MINISTRY OF CULTURE OF KHABAROVSK REGION
KHABAROVSK REGIONAL
MUSEUM AFTER GRODEKOV N. I.

RUSSIAN FAR EAST COSSACKS IN XVII-XXI CENTURIES

Articles digest
Third issue

KHABAROVSK
2011

Russian Far East Cossacks in XVII-XXI centuries: Articles Digest. Iss. 3 / Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Institute of Far East Peoples' History, Archeology and Ethnography; Khabarovsk Regional Museum after Grodekov N. I. — Khabarovsk, 2011.

ISBN 978-5-7442-1536-1

This issue of theme publication just like previous issues is dedicated to Cossacks of the Far East of Russia. For a quarter of a century already Cossacks' rebirth process has been under way. These years have accumulated successes and obstacles, arguments and search for agreement which naturally causes closer attention from the society to this topic and makes it more appealing for research. This publication offers readers different materials on the life and activities of Cossacks of the region during various stages of their history. Articles published here belong to authors living in different parts of our country: Moscow and Khabarovsk, Omsk and Blagoveshensk, Novocherkassk and Vladivostok. Articles are structured chronologically and grouped considering problems that are being analyzed.

This issue is assigned for researchers, Cossack movement functionaries, as well as for those who are interested in the history of Far Eastern Cossacks.

© Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2011

© Хабаровский краевой музей
им. Н.И. Гродекова, 2011

ISBN 978-5-7442-1536-1

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Чернаевская В.Н., Сергеев О.И.</i> Первый поход русских казаков-землепроходцев на Амур в 1643-1646 гг.: личность В.Д. Пояркова	9
<i>Тураев В.А.</i> Аборигены и казаки: особенности взаимоотношений (XVII-XVIII вв.)	19
<i>Сергеев О.И.</i> Казачье переселение с Дона на Дальний Восток в конце XIX — начале XX вв.	32
<i>Токмаков В.С.</i> Земледельческие и неземледельческие сферы деятельности амурского и уссурийского казачества в середине XIX — начале XX вв.	45
<i>Устюгова О.А.</i> Торговля спиртными напитками у казачества Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX вв.)	50
<i>Белоглазова С.Б.</i> Из истории системы казачьего образования в Якутии (XVIII — 60-е гг. XIX вв.)	57
<i>Коваленко А.И.</i> Система здравоохранения у казачества в восточных окраинах России	66
<i>Тимошенко Г.В.</i> Формирование духовно-нравственных ценностей в дискурсе амурского казачества	73
<i>Пузачева В.П.</i> История повседневной жизни казачьей семьи рода Сенотрусовых	78
<i>Шмочин И.В.</i> Взаимодействие уссурийского казачества с управлением пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае Российской империи	85
<i>Гамин А.В.</i> Неполномочный командующий: дальневосточная командировка полковника И.Г. Пехливанова в конце 1917 — начале 1918 г.	91
<i>Шудьяков В.А.</i> Феномен атамана И.П. Калмыкова (по материалам войскового старшины П.В. Данилова и генерала от инфантерии В.Е. Флуга)	98
<i>Савченко С.Н.</i> Чрезвычайный съезд выборных представителей казачьих войск (казачья конференция) и Дальний Восток (1920-1922 гг.)	132
<i>Пушкарев В.А.</i> Социально-экономическое положение казачьего населения Дальнего Востока в 1920 г.	157
<i>Сиваков Г.В.</i> К вопросу о раскулачивании, поражении в гражданских правах и паспортизации бывших уссурийских казаков в 1933-1934 гг. (на примере с. Васильевка Бикинского района Хабаровского края)	164
<i>Лазарева С.И.</i> Мероприятия БРЭМ по улучшению экономического положения российских эмигрантов: казаки и крестьянское переселение в Тооэнский район (1930 — середина 1940 гг.)	185
<i>Киреев А.А.</i> Роль дальневосточного казачества в системе государственной границы: сравнительно-исторический анализ	193

хотя бы в материальном отношении, лучше остальных строевых офицеров, имеющих утешение в обществе товарищей. — Наконец чувство национального достоинства требует, чтобы наши заставы на границе были обставлены по возможности лучше, что будет иметь необходимое нравственное влияние на наших соседей. На всё это потребны деньги, и немалые, особенно на первое время, для возведения зданий и внутренней их обстановки. Вопрос этот долгие годы камнем лежит у меня на сердце, и всякий раз, как служба забрасывала меня на наши пограничные посты, я чувствовал глубокое сожаление к молодым людям и нижним чинам, коротающим дни в убогих фанзухах или сквозных срубках, особенно сравнивая с ними Манчжурские пограничные караулы, обставленные вполне комфортабельно с китайской точки зрения...»¹¹

Осознавая, что поднимаемая им проблема, требует больших капиталовложений, Матюнин предлагает и вполне реальный источник финансирования: «... по сведениям Хунчунской и Полтавской застав за 1891 г., мимо них прошло к нам из-за границы 4686 телег и число это можно считать ниже действительного. Обложив телегу налогом по одному рублю за каждый переезд границы в наши пределы, что составит по полтине вперед и назад, полагаю, что это не обременит чрезмерно перевозчиков и даст нам около 5000 рублей в год, отчислая из этой суммы 20% на канцелярские расходы, остальные 4000 руб. могут быть употреблены на постройку капитальных зданий для пограничных застав и их обстановку, а затем на улучшение путей сообщения».¹²

В результате длительных согласований и бумажной волокиты ответ Приамурского генерал-губернатора на предложение Матюнина последовал лишь через четыре года — в феврале 1896 г. Ответ оказался отрицательным: «... в настоящее время в Министерстве финансов обсуждается вопрос об установлении таможенного надзора в пограничных местах Приамурского края, и раз этот вопрос будет решен в положительном смысле, то тогда Министерство финансов, несомненно, отпустит суммы и на постройку необходимых зданий и на все вообще нужды пограничной стражи, которая заменит нынешних кордонных казаков».¹³

Таким образом, специальная пограничная стража в Южно-Уссурийском крае в тот период так и не была введена, а материальное положение многих застав оставалось незавидным. В этих условиях, когда в российских Вооруженных Силах намечалась устойчивая тенденция к замене многих военных специалистов гражданскими, не лишним будет вспомнить опыт взаимодействия уссурийских казаков и пограничного комиссара в охране государственной границы, который требует более глубокого изучения и осмысления.

¹¹ Автлов Р.С. «Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать...». Владивосток, 2011. С. 12.

¹² РГИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 16153. Л. 68об.

¹³ РГИА. ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 91. Л. 11 об.

¹⁴ РГИА. ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 829. Л. 73-76.

¹⁵ Там же. Л. 81.

¹⁶ Автлов Р.С. «Для охранения границ...». С. 29.

¹⁷ РГИА. ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 697. Л. 25-29, 34 об.

¹⁸ Там же. Л. 31 об, 82.

¹⁹ Там же. Л. 133, 135 об.

²⁰ РГИА. ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 984. Л. 3-3 об.

²¹ Там же. Л. 6 об.

²² Там же. Л. 7.

²³ РГИА. ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 191. Л. 7.

А.В. Ганюк

**НЕПОЛНОМОЧНЫЙ КОМАНДУЮЩИЙ.
ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ КОМАНДИРОВКА
ПОЛКОВНИКА И.Г. ПЕХЛИВАНОВА
В КОНЦЕ 1917 — НАЧАЛЕ 1918 г.***

Период конца 1917 — начала 1918 г. может быть отнесен к малоизученным в истории российской Гражданской войны. Несмотря на обширную историографию, многие сюжеты еще ждут своего исследователя. Одним из таких сюжетов является история неудачной командировки на Дальний Восток Генерального штаба полковника Иордана Георгиевича Пехливанова (07.10.1876-26.03.1955), которая проливает свет на сложные военно-политические процессы, происходившие тогда в Приморье и Приамурье, показывает, как напрясто складывались взаимоотношения гражданской и военной власти в то время.

Интересна и необычна судьба этого офицера — болгарина на русской службе, который блестяще окончил в России две академии, героически участвовал в Первой мировой войне, стоял у истоков создания Красной армии, руководил обороной Петрограда от немцев на самом опасном, псковском, направлении в феврале-марте 1918 г., а затем осенью 1918 г. бежал от большевиков к белым, после чего уехал на родину, в Болгарию¹.

Полковник И.Г. Пехливанов с октября 1917 г. занимал долж-

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00330а2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917-1922 гг.».

ность и.д. начальника штаба 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии. 20 октября 1917 г. приказом по армии и флоту генштабисту было дано новое назначение — командующим войсками Приамурского военного округа вместо Генштаба генерал-майора К.Н. Хагождокова. 25 октября, сдав должность, Пехливанов отправился к месту нового назначения.

На Дальнем Востоке Пехливанову прежде обывать не приходилось. К тому же принимать должность он был вынужден в обстановке революционной анархии и после утраты власти Временным правительством, назначившим офицера на новый пост, что ставило под вопрос легитимность назначения.

Приамурский воспий округ охватывал обширную территорию. Штаб округа находился в Хабаровске. И.д. начальника штаба, по ходатайству Пехливанова, был назначен Генштаба подполковник К.К. Акинтьевский. 9 ноября Пехливанов обратился к управляющему военным министерством с просьбой учредить при себе должность генерала для поручений, поскольку округ был крайне обширным и нужен был человек, готовый ездить в командировки. К тому же на командующем войсками округа лежали еще и обязанности главноначальствующего Владивостокским районом².

Подробности службы Пехливанова на Дальнем Востоке были детально изложены им самим 11 января 1918 г. по пути из Хабаровска в Петроград в рапорте помощнику управляющего военным министерством, главному управляющему канцелярией народного комиссара по военным делам и в хабаровский Совет солдатских депутатов. Черновик рапорта сохранился в личном архиве Пехливанова. Аналогичный секретный доклад был составлен 4 января 1918 г. дальневосточным крайевым ЦИК для военной коллегии Совета народных комиссаров (СНК)³. Сопоставление этих двух документов позволяло представить истинную картину событий.

О скором прибытии Пехливанова дальневосточные большевики узнали в начале декабря 1917 г. Полномочия нового назначения были подтверждены в ноябре 1917 г. СНК, в связи с чем 3-й съезд Советов Дальнего Востока (14 декабря съезд провозгласил установление в крае Советской власти), проходивший 11–20 декабря 1917 г., воздержался от выборов нового командующего войсками⁴.

Нордан Георгиевич прибыл в Хабаровск 20 декабря 1917 г. после продолжительной остановки в Харбине, которую он кратко объяснил председателю крайкома: «Для ознакомления с делами». «Это было как раз то время предательского ввода китай-

ских войск, разоружения наших дружин и отправки их в Читу», — отмечалось в докладе крайвого ЦИК⁵. Речь шла о ликвидации 26 декабря 1917 г. харбинского Совета, а также о разоружении и высылке в Россию, с санкции управляющего Китайско-Восточной железной дорогой генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата, китайцами и сторонниками будущего лидера Белого движения на Дальнем Востоке есаула Г.М. Семенова большевизированных солдат, находившихся в Маньчжурии.

В это время власть в крае была сосредоточена в руках временного коллектива из 4–5 представителей Дальневосточного крайвого комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и самоуправлений, в который входили большевики и левые эсеры⁶. Большинство депутатов съезда разъехалось на праздники, чтобы собраться на очередное заседание в начале января. Местные власти были представлены областными земствами Приморской и Амурской областей.

Пехливанову сразу пришлось столкнуться со сложностями административного характера и с непризнанием собственных полномочий. В частности, «казачество, как амурское, так и уссурийское, замкнулось в своих границах и, по-видимому, не признавало никакой власти, в том числе и власти командующего войсками». Войсками округа временно командовал Генштаба генерал-лейтенант И.А. Мандрыка.

22 декабря Пехливанов встретился с временным председателем коллегии крайвого комитета, изложил ему свое видение политической ситуации и собственных задач на новом посту, а также заверил его в том, что признает советскую власть, хотя и назначен до октябрьской революции. Новый командующий войсками также изложил разработанный им план реорганизации находившегося в округе ополченческого корпуса (краевой комитет как раз собирался упразднить должность командира корпуса и его штаб) в корпус народных (местных) войск, рассказал о планируемом им сокращении военных расходов казны, сокращении владивостокского гарнизона и уменьшении содержания казачьих сотен. Корпус народных войск, по мнению Пехливанова, был нужен для обеспечения «демократического порядка». Этот корпус, по замыслу Пехливанова, должен был стать образцом для реорганизации и спасения всей русской армии.

В тот же день Пехливанов издал приказ о вступлении в должность, а на следующий день встретился с начальствующими лицами и работниками окружного штаба. Тогда к нему явился комиссар окружного штаба и член крайвого комитета, предложившие проследовать в крайвой комитет для обсуждения во-

проса о вступлении Пехливанова в должность. Пехливанов сообщил делегатам, что прием им штаба был лишь формальностью. После этого временный председатель коллегий краевого комитета и комиссар штаба пришли к офицеру и заявили, что Пехливанова в должности не утверждают, так как постановления краевого комитета о его вступлении в должность издано не было. Чтобы оградить себя от ответственности, представители крайкома решили остановить рассылку приказа Пехливанова.

Постановлением 3-го съезда Советов Дальнего Востока руководство военным округом взял на себя комиссариат по военным делам. Неутвержденному командующему войсками округа впредь до съезда членов комитета и формирования нового крайкома было позволено вести только техническую работу — разрабатывать при штабе план реорганизации ополченного корпуса в корпус народных войск и знакомиться с округом на местах, оставив временно командующим генерала Мандрьку.

Осторожность местных властей была связана с недоверием по отношению к Пехливанову как к бывшему офицеру. Как отмечалось в докладе краевого ЦИК, «с первых же шагов своей деятельности видно было, что полковник Пехливанов настойчиво стремится проводить свою самостоятельную линию действий, идущую вразрез с тактикой выработанной Советским Правительством работы в полном контакте со всеми Советами в Крае»⁸.

Деньги из Петрограда в округ не поступали уже с 13 ноября, имевшихся средств должно было хватить лишь до начала января 1918 г. Между тем, только на содержание войск и военных учреждений требовалось до 5 млн. рублей в месяц. Нужно было как можно скорее осуществить роспуск ополченцев по домам. Кроме того, требовалось срочно отправить куда-либо 15 000 военнопленных, вызывавших большой расход.

Пехливанов обязался к началу съезда крайкома подготовить план роспуска ополченного корпуса и формирования корпуса народных войск. После этого он уехал во Владивосток, а разработкой плана занялся подполковник Акинтьевский.

В ходе поездки по округу Пехливанов представлялся как командующий и заявлял о том, что программа готовившихся им преобразований утверждена в Петрограде. Иордан Георгиевич встречался с начальниками гарнизонов, представителями дружин и Советов, заявлял о немедленной демобилизации войск и замене военных караулов гражданскими. Подобные действия не могли не вызвать беспокойства местных властей.

27 декабря во Владивостоке Пехливанов провел большое совещание, на котором присутствовали начальствующие лица,

комиссары крепости, управляющий отделением Государственного Банка, главный контролер, председатель и члены солдатской секции Совета рабочих и солдатских депутатов. Обсуждалось положение крепости и гарнизона и перспектива его сокращения. В период пребывания во Владивостоке Пехливанов, якобы, заявил, что ему в Петрограде дали самые неограниченные полномочия, «делать так, как он найдет необходимым»⁹.

На протяжении следующих двух дней Пехливанов встречался с представителями местных властей, обсуждал с ними финансовую ситуацию и план действий. Определенную сложность представляло присутствие во Владивостоке консулов союзных держав, которым новый командующий войсками округа должен был нанести визиты. Однако в новой политической ситуации подобные визиты могли быть неоднозначно восприняты местными властями. С консулами необходимо было обсудить морскую перевозку пленных итальянцев и чехословацких с Дальнего Востока. Поскольку Пехливанов решил воздержаться от визитов, от его имени с консулами вел переговоры отставной подполковник Боткин. Во Владивостоке Пехливанов посетил бюро приморского земства, состоявшего в коалиции с большевиками, и сообщил о своей программе действий.

В то время в крае шла борьба владивостокского Совета, опиравшегося на революционизированных солдат, рабочих, матросов, часть крестьян, против бюро земства, опиравшегося на казачество. Члены Совета посчитали, что Пехливанов действует на стороне земства.

Утром 30 декабря Пехливанов отбыл в Хабаровск. Комиссия подполковника Акинтьевского тем временем установила нецелесообразность наличия в округе двадцатипятичного ополченного корпуса, при том, что для нужд округа было достаточно лишь полутора тысяч человек¹⁰.

Немало проблем вызвал ответ на ноту командира прибывшего во Владивосток 30 декабря 1917 г. японского крейсера «Ивами». 1 января 1918 г. Пехливанов распорядился сообщить японцам, что за их безопасность он не ручается и что в случае высадки японские войска должны поступить в подчинение местных военных властей. Командующий войсками округа лишь пытался придерживаться дореволюционных принципов, которые не собирались признавать местные власти. Крайком приказал остановить передачу телеграммам, сосчитать ее предательской. К тому же Пехливанов предложил союзникам вести переговоры с бюро городских и земских самоуправлений как с преемником отстраненного в декабре 1917 г. краевого комиссара

Временного правительства эсера А.Н. Русанова, а не представителями крайкома. Эти действия уже вызвали серьезные опасения, хотя в целом Пехливанова трудно было считать контрреволюционером и саботажником. Кроме того, Пехливанов телеграфно предложил российскому послу в Пекине князю Н.А. Кудашеву передать военнопленных в ведение союзников, «так как при слагающейся обстановке установление надлежащей охраны невозможно»¹¹. При этом он издал приказ о снятии охраны с военнопленных, что также выглядело подозрительно.

Разумеется, краевой комитет, в котором присутствовали делегаты ополченческого корпуса, отнесся к Пехливанову с подозрением, считая, что тот стремится заручиться поддержкой японцев. Перед отъездом Пехливанова в Амурскую область, откуда он рассчитывал вернуться непосредственно к началу съезда крайкома, его вагон был отцеплен от поезда, а сам офицер доставлен в крайком. Большевики посчитали, что Пехливанов решил перебраться в Благовещенск под защиту казачества и земства. По этой причине крайком принял экстренные меры к его задержанию и аресту, что было выполнено 2 января 1918 г. в 22 часа¹². Вариант ответа Пехливанова на японскую ноту оказался, по его словам, искажен, в чем он усмотрел провокацию против себя.

В итоге со 2 (по другим данным, с 1) января 1918 г. Пехливанова изолировали у него на квартире, а затем, 4 января, под надзором делегатов Амурской речной флотилии, ехавших в Петроград, отправили обратно в столицу, в распоряжение СНК. Таким образом, на свободе как командующий войсками округа он провел около десяти суток, в том числе четыре дня в пути. Пехливанов предполагал, что его сочли неудобным и поторопились изолировать от депутатов съезда.

По мнению Пехливанова, если бы ему не помешали, «к концу января мы имели бы первый корпус народных войск, готовый отстоять завоевания революции». В конце своего рапорта Иордан Георгиевич отмечал: «Моя деятельность в 10-ти дневный период подготовки к вступлению в должность и по разработке плана организации войск не содержал никаких преступных действий. Никаких секретных распоряжений я не отдавал, шифрованных депеш не посылал. Все мои телеграммы проходили через штаб, где находятся комиссары комитета, имеющие право задерживать или приостанавливать любые распоряжения и даже приказы. Кроме того, все депеши цензурировались комитетскими комиссарами на телеграфе. Таким образом, ни одно из моих распоряжений не могло бы быть проведено в жизнь помимо согласия комитета»¹³.

Дальневосточные перипетии поглотили внимание Иордана Георгиевича настолько, что он продолжал заниматься этими вопросами, уже будучи не у дел, — вплоть до двадцатых чисел февраля 1918 г., когда на него были возложены еще более серьезные задачи, Пехливанов составлял записки по дальневосточной проблематике.

Пришедшие к власти в стране в конце 1917 г. силы с недоверием и подозрительностью относились к офицерам, считая их врагами и контрреволюционерами. Процесс привлечения офицерства к созданию новой армии оказался крайне болезненным для каждой из сторон. Офицеры подвергались незаслуженным гонениям и репрессиям, тогда как революционером приходилось внутренне эволюционировать, подавляя устойчивую неприязнь к офицерской корпорации, мириться с их службой в Красной армии ради достижения победы. Если бы изначальное отношение было иным, возможно, количество измен военспецов было бы гораздо меньшим, а вооруженное противостояние большевико и их противников не приобрело бы затяжного характера и общего сударственных масштабов.

История кратковременного пребывания полковника Пехливанова в должности командующего войсками Приамурского военного округа показательна. Дальневосточные большевики, проявив недоверие и подозрительность в его отношении, лишь способствовали разочарованию офицера в новом режиме, создавали почву для конфликта работников окружного штаба и местных властей, для последовавших вскоре антибольшевистских вооруженных выступлений. Дальнейшие события, связанные с обороной Петрограда, продемонстрировали, что Пехливанов был вполне надежным военным специалистом, готовым сотрудничать с новой властью.

¹¹ Полная биография И.Г. Пехливанова в настоящее время готовится к печати в историческом альманахе «Русский сборник».

¹² РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹³ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

¹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Подробнее см.: Героические годы борьбы и побед. Дальний Восток в огне Гражданской войны. М., 1968. С. 30.

¹⁷ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

¹⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 3.

¹⁹ Там же.

²⁰ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 3. Л. 906.

²¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 4, 5.

²² Там же.

²³ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 3. Л. 11, 110б.